

**Концептуализация пространства:
теория и практика применения к городам Урала***

Олег Горбачев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**The Conceptualisation of Space: Theory and Practical
Application to the Cities of the Urals****

Oleg Gorbachev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article explores the potential of employing a spatial approach in the study of the Ural city during the twentieth century. The established tradition of studying the Soviet industrial space with predominant reliance on the theory of modernisation corresponds to the logic of its perception in the categories of the modern era. At the same time, the conceptual framework of modernisation theory proves challenging to implement when attempting to characterise sociocultural processes within a Soviet city. The development of an “anthropocultural paradigm” for studying the Soviet city, a need that was first articulated approximately three decades ago, remains a subject of ongoing discourse. The article analyses the legacy of Soviet and Russian urbanism in the academic study of the Soviet city. The author examines the place of the idea of space in the study of the history of human society. The analysis draws upon the works of theorists of “social space,” the idea of “production of space” by A. Lefebvre, and adherents of the “spatial turn” who have studied Soviet material. The article emphasises the significance of the contributions of A. Lefebvre and E. Soja, who represent the “Chicago School” of urbanism, for the study of the urban spatial environment. The author of the article employs D. Lăpple’s scheme, created under the influence of Lefebvre,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты» (<https://rscf.ru/project/24-28-00629/>).

** Citation: Gorbachev, O. (2025). The Conceptualisation of Space: Theory and Practical Application to the Cities of the Urals. In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 1. P. 319–336. DOI 10.15826/qr.2025.1.968.

Цитирование: Gorbachev O. The Conceptualisation of Space: Theory and Practical Application to the Cities of the Urals // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 319–336. DOI 10.15826/qr.2025.1.968 / Горбачев О. Концептуализация пространства: теория и практика применения к городам Урала // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 1. С. 319–336. DOI 10.15826/qr.2025.1.968.

to characterise the social space of the Ural city in the Soviet period. The scheme identifies the following constituent elements: physical space, social practice in the production, use, and appropriation of the material substrate, rules and norms as a connecting link between the former and the latter, and symbolic encoding and spatial perception. Given Soviet realities, it is necessary to consider the parallel existence and constant interaction of official and unofficial urban space. Almost all elements of official space can be easily reconstructed with the help of conventional sources used to study the Soviet industrial past. For the examination of unofficial space, among others, sources of personal origin are quite applicable, although locating them requires rigorous additional efforts. The most salient issue today is the subject of symbolic ideas about space in the context of "Ural identity" in the logic of the "spatial turn." The author concludes that interdisciplinarity must be expanded in the study of the Soviet urban spatial environment. The key to successful application of the spatial paradigm to the study of the Soviet city is extensive experience in its implementation for the analysis of urban problems in various countries and regions worldwide.

Keywords: Soviet city, urbanisation, Urals, "spatial turn", social space, modernisation theory

Целью статьи является рассмотрение применения пространственного подхода к изучению уральского города советской эпохи. Устоявшаяся традиция исследования советского индустриального пространства с преимущественной опорой на теорию модернизации соответствует логике его восприятия в категориях эпохи модерна. Вместе с тем понятийный аппарат данной теории оказывается трудноприменимым для характеристики социокультурных процессов в советском городе. На повестке дня по-прежнему стоит разработка антропокультурной парадигмы изучения советского города, о необходимости которой было заявлено несколько десятилетий назад. В работе проанализировано наследие советской и российской урбанистики в изучении советского города. Показано место идеи пространства в изучении истории человеческого общества, использованы труды теоретиков «социального пространства», идея «производства пространства» А. Лефевра, привлечены работы приверженцев «пространственного поворота», выполненные на советском материале. Подчеркивается значение сочинений А. Лефевра, Э. Соджи, представителей чикагской школы урбанистики для изучения городской пространственной среды. Для характеристики социального пространства уральского города в советский период использована созданная под влиянием Лефевра схема Д. Лэппле, выделяющего в качестве составных его элементов физическое пространство, общественную практику по производству, использованию и присвоению материального субстрата, правила и нормы как связующее звено между первым и вторым, а также символическое кодирование и восприятие пространства. С учетом советских реалий необходимо учитывать параллельное существование и постоянное взаимодействие официального и неофициального городского пространства. Почти все элементы официального пространства достаточно легко реконструируются с помощью

традиционных источников, применяющихся для изучения советского индустриального прошлого. Для изучения неофициального пространства среди прочих вполне применимы источники личного происхождения. Наиболее разработанной сегодня является проблематика символических представлений о пространстве в контексте «уральской идентичности» в логике «пространственного поворота». Сделан вывод о необходимости расширения междисциплинарности в изучении советской городской пространственной среды.

Ключевые слова: советский город, урбанизация, Урал, «пространственный поворот», социальное пространство, теория модернизации

Промышленная репутация Уральского региона объективно формирует «городскую» оптику его восприятия. Еще более естественным такой ракурс является при анализе истории Урала в XX столетии, отмеченном мощной индустриализацией в годы первых пятилеток и продолженной в годы Великой Отечественной войны. На волне индустриализации городское население региона росло чрезвычайно быстрыми темпами. В Свердловской области, одной из наиболее индустриально насыщенных уральских территорий, в 1926 г. доля городского населения составляла 32,5 %, уже в 1939 г. она достигла 59,5 %, а в 1959 г. превысила три четверти населения (76,3 %) ¹ [Население Свердловской области, с. 7]. По РСФСР соответствующие показатели выглядели гораздо скромнее: 18 % в 1926 г., 33 % в 1939 г. и 52 % в 1959 г. [Население России, с. 32]. В 2022 г. городское население области составило весомые 85,2 % (в России – 75,1 %) [Багирова, с. 174]. На этом основании чрезвычайно интересен анализ состояния городской среды региона – как в традиционном диахронном измерении, на этапе наиболее интенсивной урбанизации, так и в контексте теории пространства, по умолчанию предполагающей более статичный взгляд на объект исследования.

Изучение динамики развития определенного явления в прошлом оказывается недостаточным при исследовании такой многомерной сущности, как город. Временному анализу поддаются отдельные важные стороны его существования – демографическая, экономическая, политическая и др., но полная картина ускользает от восприятия, оказывается недоступной взгляду.

Интерпретации советской урбанизации

В 1990-е – начале 2000-х гг. активно развернулась заочная дискуссия о специфике советского города в контексте особенностей российской урбанизации. Ее результатом стало признание объективной обусловленности процесса, его крайней интенсивности в российских условиях и, как результат, серьезных деформаций, наблюдаемых в системе населения и облике российских городов (А. С. Ахиезер, А. Г. Вишневский,

¹ В границах 1960 г.

В. Л. Глазычев, Ж. А. Зайончковская, Б. Н. Миронов, Ю. Л. Пивоваров и др.). Среди основных аспектов урбанизации принято выделять поселенческий, демографический, экономический и социальный. При этом *поселенческая* составляющая вполне убедительно описывается схемой эволюции расселения Джека Джиббса [Gibbs], в основе *демографической* лежат категории «демографический переход» и «демографическая революция»; *экономическая* предполагает анализ соответствующих структурных трансформаций; *социальная* рассматривает изменение образа жизни людей и формирование иного типа личности.

Понимание целей урбанизации предсказуемо различалось у представителей разных научных дисциплин, но в результате междисциплинарного диалога стали возможными их широкие формулировки. Одна из них принадлежит географу Ю. Л. Пивоварову, по мнению которого для урбанизации в широком смысле характерны процессы концентрации, интенсификации и разнообразия несельскохозяйственных функций, распространение городского образа жизни, прогрессивных форм расселения, развития общения, городской культуры [Пивоваров, 1976, с. 16].

Именно с этих позиций критиковалось качество советской урбанизации. По суждению А. С. Ахиезера, автора термина «псевдоурбанизация», советские города «не превратились в центры инновационной деятельности либерального типа», существовали «как некоторый необходимый придаток производства, некоторая “тара” для размещения персонала», урбанизация «формировалась не столько на основе спонтанного развития товарно-денежных отношений, сколько на основе принудительной перекачки ресурсов государством, на основе натурального хозяйства» [Ахиезер, с. 28]. Подобную идею высказывал и В. Л. Глазычев, утверждавший, что «в России не было и нет городов, если под городом понимать прежде всего социальную организованность граждан» [Глазычев, с. 138].

Эта радикальная точка зрения, обычная для 1990-х гг., в итоге уступила более взвешенной, в соответствии с которой особенности советского периода интерпретировались в качестве «болезни роста», исчезающей по мере взросления (А. С. Сенявский, Г. М. Лаппо, П. М. Полян, А. И. Трейвиш и др.). Она предполагала, что с течением времени советские города должны были развиваться в соответствии с глобальными тенденциями, а городская среда в них стать более сбалансированной.

С осознанием исключительного влияния человеческого фактора на городское развитие круг урбанистических исследований постепенно расширялся, прежде всего за счет социологических и демографических работ. Акцент на социокультурном развитии выглядел ответом на ценности советского индустриализма, заявленные в теории «социалистической» урбанизации [Урбанизация, с. 498]. Так, Ж. А. Зайончковская в качестве критериев успешной урбанизации указывала доступность социальных благ и возможности повышения качества жизни [Зайончковская]. По мнению Ю. Л. Пивоварова, «глу-

хота» географов к идеям о первостепенной роли человека в процессе урбанизации сыграла свою роль в кризисе российского города. Исследователь сформулировал «антропокультурную парадигму» российского городского развития [Пивоваров, 2001, с. 112].

Ограничения модернизационного подхода

Историческое развитие индустриального региона традиционно (и в отдельных аспектах убедительно) интерпретируется с использованием понятийного аппарата теории модернизации, позволяющей выявить в том числе значимые черты процесса урбанизации [см., например: Опыт российских модернизаций]. Упомянутые выше поселенческий, демографический, экономический и социальный аспекты урбанизации в рамках теории модернизации анализируются с точки зрения эволюционного характера развития, универсальности проявления, допускают возможность верификации с помощью различных исследовательских методик.

Очевидность применения теории модернизации к анализу советского города вытекала из логики его восприятия в категориях модерна, когда приоритет индустриальных ценностей является естественным. Кроме того, важнейшей характеристикой модерна является подчинение городов территориальным государствам. Происходящие в городах социальные процессы осмысливаются в замкнутом пространстве, и в качестве «контейнера» чаще всего выступает государство [Трубина, с. 18]. В применении к советскому авторитарному строю этот тезис звучит особенно органично.

Вместе с тем важность промышленного фактора в формировании и развитии советских городов порождает опасность экономического редукционизма. В этом смысле в рамках модернизационного подхода неизбежно возникают параллели с теорией «социалистической» урбанизации. В то же время анализ социокультурного развития урбанизированной территории в рамках модернизационной парадигмы достаточно труден. С его помощью адекватно описываются реалии XVIII – начала XX в.² Но советская эпоха требует иного взгляда, и исследовательский горизонт вынужденно сужается до описания внешних проявлений городского образа жизни, опосредованного все той же «индустриальной революцией» [Опыт российских модернизаций, с. 233–242]³.

² По мнению О. Л. Лейбовича, культурная модернизация этого периода включала заимствование западного опыта, экономическую активность населения и распространение либеральных идей [Опыт российских модернизаций, с. 88–102].

³ Попытка развития модернизационного подхода с помощью цивилизационной парадигмы предпринята в работе «Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация». Период 1880-х гг. – XX в. определяется в ней как «индустриализационный транзит», в ходе которого происходит вращение страны в мировую индустриальную цивилизацию. Речь идет о модернизации, обладающей национально-цивилизационным и региональным своеобразием [Урал в контексте, с. 21–22].

Недостаточность одного лишь индустриального индикатора для оценки качества советского городского развития очевидна. До сих пор значимой и едва ли не определяющей характеристикой города, особенно небольшого, считается его монопрофильность (наличие одного градообразующего предприятия). Обычно она служит маркером проблемности развития. Но, к примеру, по состоянию на 2020 г. из 17 моногородов Свердловской области только пять характеризовались сложным социально-экономическим положением [О перечне]. Это означает, что другие потенциальные факторы, обеспечивающие устойчивость городской среды, характеризующие состояние городского сообщества, как минимум, недооцениваются.

Идея пространства

Ввиду многочисленности работ по теории пространства сколько-нибудь подробный их анализ в рамках одной статьи невозможен. Ограничимся их кратким обзором.

Невозможность игнорирования фактора пространства при изучении человеческого общества понималась многими авторами, от И. Канта до Г. Зиммеля [см.: Торубарова; Филиппов; и др.]. В 1960–1980-е гг. наблюдались новые попытки концептуализации понятия «пространство», при этом они нередко строились на оппозиции научному знанию эпохи модерна. Так, по мнению М. Фуко, прежде «пространство трактовалось как мертвое, недиалектическое, неподвижное. Время, напротив, было богатством, плодovitостью, жизнью, диалектикой» [Foucault, p. 70]⁴.

Одновременно мыслитель отметал упреки в «неисторичности» своей «одержимости пространством»: «Для всех тех, кто путает историю со старыми схемами эволюции, живой непрерывности, органического развития, прогресса сознания или проекта существования, использование пространственных терминов кажется антиисторическим. Если кто-то начинал говорить в терминах пространства, это означало, что он враждебен времени. Это означало, как говорят глупцы, что кто-то “отрицает историю”, что он “технократ”... Пространственное описание дискурсивных реальностей приводит к анализу связанных с ними эффектов власти» [Ibid.].

Норберт Элиас предложил новое видение неразрывности пространства и времени в контексте своей теории цивилизации. Критикуя действующую научную традицию, Элиас считал, что «реальность в господствующих теориях предстает как беспространственный продукт или как точечное представление социальной реальности». Между тем, утверждал он, «всякое изменение в “пространстве” есть изменение во “времени”, каждое изменение во “времени” есть изменение в “пространстве”» [Elias, S. 161–162].

⁴ Здесь и далее перевод цитат из иностранных источников автора статьи.

В свою очередь, Фернан Бродель, констатируя, что «проблема пространства даже не рассматривается социальными науками», считал необходимой разработку «пространственных моделей», позволяющих связать анализ пространственной и временной форм развития общества. Он рассматривал эту практику в качестве важного подхода к сотрудничеству между историческими и социальными науками [цит. по: L  pple, S. 159].

Множественность пространств и социальное пространство

Итак, если фактор пространства важен для исторического исследования, то какого рода пространство имеется в виду? В рамках позитивизма обычно реализуется эссенциалистский подход, рассматривающий пространство как географическую или геополитическую данность. Физическое пространство анализировал Г. Зиммель, говоря о том, что оно не может иметь причиняющего действия [Филиппов, с. 82].

Одним из первых опытов введения идеи пространства в гуманитаристику следует считать работу Франсуа Перру «Экономические пространства» (1950). В ней он разделяет «банальное», или геономическое (физическое), и экономическое пространства. Недостаточность «банальной концепции пространства» для Перру видится в том, что она создает иллюзорное представление о совпадении политических пространств с экономическими, человеческими или социальными [цит. по: Couzon, p. 24].

Стремление уйти от узкоматериальной трактовки пространства находим у того же Г. Зиммеля, который обосновывает идею множественности пространств с кантианской позиции «созерцающего» субъекта. В конечном счете его работы, а также труды П. Бурдьё и Э. Гидденса способствовали формированию концепта «социального пространства» как конструкта человеческого мышления [см. подробнее: Филиппов, с. 143, 150].

Популярность идеи «социального пространства», часто воспринимаемой в контексте «пространственного поворота», не просто дань очередной интеллектуальной моде. В его основе – усложнение социальной действительности в XX столетии, нарастание плотности социальных процессов, в которых взаимодействуют дифференцированные агенты и институты; при этом движение одного агента сразу сказывается на всех других [Бляхер и др., с. 49].

Одна из трактовок «пространственного поворота» предполагает выяснение того, «что люди думали о своем и чужом пространстве, как они концептуализировали те или иные географические ареалы, как конструировали территориальные целостности и какими смыслами их наделяли» [Савельева, Полетаев, с. 444]⁵. Можно утверждать,

⁵ Характеризуя ментальные репрезентации пространства, И. Савельева отдает должное и пространству географическому. Его ценность для исторического знания исследовательница видит в том, что оно служит способом задать рамки предмету истории, то есть очертить границы социальных взаимодействий в прошлой социальной реальности и тем самым трансформироваться в пространство историческое [Савельева].

что «пространственный поворот» следует интерпретировать шире, в контексте возросшего интереса к пространству вообще⁶.

В качестве лозунга «поворота» можно рассматривать фразу «пространств не существует, пространства создаются» [Шенк, с. 15]. Она способна примирить сторонников ментальных конструкторов с «материалистами», наиболее ярким представителем которых является Анри Лефевр. В ответ на попытки «релятивизации» пространства Лефевр стремился подчеркнуть его материальную составляющую. Он полагал, что каждый способ производства наряду с некоторыми социальными отношениями организует (производит) собственное пространство. В этом смысле Лефевр противопоставляет себя теоретикам «умственного» пространства как ментального конструкта [Лефевр, с. 20]. В то же время, признавая право представителей каждой специальной науки задавать свой угол восприятия предмета, исследователь говорит о неизбежной многозначности понятия «социальное пространство»: «социальные пространства проникают друг в друга и/или накладываются друг на друга» [Там же, с. 97]. Репрезентации пространства, считает Лефевр, многочисленны и неизбежны. Их особенности в том, что они символичны и «некогерентны», то есть не связаны ни друг с другом, ни с пространственной практикой [Там же, с. 55].

Лефевр ввел термин «производство пространства», рассматривая последнее как результат социального взаимодействия. Пытаясь соединить идею пространства с марксистской парадигмой, Лефевр обращает внимание, что эта идея не вписывается в классическую триаду «базис – структура – надстройка». Пространство, по мысли Лефевра, «возникает, формируется, воздействует то на одном уровне, то на другом. То на уровне труда и отношений господства (собственности), то на уровне функционирования надстроек (институтов)... Производство пространства не является “господствующим” в способе производства, но связывает между собой и координирует все аспекты практики – объединяя их именно в единую практику» [Там же, с. 11].

В применении к советскому опыту такой подход способен объяснить (и оправдать) достаточно резкую смену приоритетов большевиков по отношению к пространству в течение ограниченного времени, их балансирование между политикой, экономикой, идеологией и культурой.

Город в контексте теории пространства

Насколько понятие пространственной парадигмы применимо для анализа города эпохи социализма? Ограничения пространственного подхода вполне осознавались А. Лефевром. Говоря о причинах отсутствия унитарной теории пространства, он, апеллируя к Гегелю, полагал, что в современном мире в пространстве доминирует госу-

⁶ См., например, материалы круглого стола [Бляхер и др.].

дарство, и его влияние усилилось в XX в. С другой стороны, в контексте марксистской революционности он утверждал, что «в этом пространстве кипят силы... Государственная норма вызывает ее постоянное нарушение», констатируя таким образом присутствие внегосударственных акторов [Лефевр, с. 37–38]. Все вместе заставляет предположить, что единая пространственная теория неизбежно оказывалась бы и слишком сложной, и – по мнению многих – ненужной, подменяющей предмет других наук.

Невозможность подбора очередного универсального «ключика», открывающего секреты общественных процессов, не должна смущать исследователя. Город по умолчанию имеет пространственное измерение, но для его актуализации необходимо восприятие города в отрыве от государства, в региональном контексте. Легитимность подобного взгляда доказали работы не только Лефевра, но и представителей чикагской школы урбанистики (например: [Парк]), Эдварда Соджи [Soja, 1989; Soja, 2003] и некоторых других авторов, внесших вклад в формирование идеи «социального пространства» (см. подробнее: [Трубина]).

В рамках «пространственного поворота» в лефевровской триаде «производства пространства» (пространственная практика – репрезентации пространства – пространства репрезентации) наиболее востребованным оказался третий элемент, отражающий ментальные представления о пространстве. Кроме известной работы В. Паперного «Культура Два» [Паперный], на российском материале она была реализована, например, в книгах под редакцией Е. Добренко и Э. Наймана [The Landscape of Stalinism] и С. Рудер [Ruder].

Для некоторых авторов оказываются равно неприемлемыми и марксистский экономический редукционизм Лефевра, и ментальная релятивизация идеи пространства. На наш взгляд, достаточно интересный подход предлагает экономист Дитер Лэппле, который инструментально модифицировал идею Лефевра. Он выделил четыре элемента пространства:

1. Физическое пространство, преобразованное человеком и включающее социальные объекты.
2. Общественная практика (производство, использование и присвоение материального субстрата).
3. Правила и нормы как связующее звено между материальным субстратом и общественной практикой. Здесь различные уровни пространства пересекаются в соответствии с «распределением компетенций».
4. Символическое кодирование и восприятие пространства [Läpple, s. 192].

Эта идея вполне успешно применена в работе Ф. Б. Шенка [Шенк]. Пространственный подход в духе Лефевра и Бурдьё, понимаемый как сочетание физического пространства и практик взаимодействия по его поводу, заявлен в только что вышедшей книге Натальи Леби-

ной [Лебина]. Этот подход становится естественным фоном для современного исследователя, изучающего проблемы городского социокультурного развития.

Пространственная парадигма и уральский город

При попытке интерпретации советского (и уральского) города в пространственном измерении исследователь неизбежно сталкивается с обескураживающим утверждением Лефевра, что социализм не создал нового пространства на том основании, что ставка на ускоренный рост любой ценой, на крупные предприятия и большие города имела следствием отсталость регионов и целых слоев населения [Лефевр, с. 67] (ср. с идеей «псевдоурбанизации» А. С. Ахиезера).

Городская среда Урала, в большой степени сформированная в ходе индустриализации, является ярким примером «урбанизации по-советски». Оценка Лефевра ставит под вопрос ее качество, но не наличие социального пространства как такового⁷. По нашему мнению, для анализа пространства уральского советского города вполне пригодна схема Д. Лэппле.

Оценивая *физическое пространство* города, следует иметь в виду неизбежную преемственность по отношению к досоветскому пространству, выраженную в опоре на ландшафт, размещение природных ресурсов, традиционные формы их потребления. Необходимо принимать во внимание, что вновь создававшееся в советское время пространство – в огромной степени результат государственной инициативы, планирования, вложенных материальных ресурсов. Возможности для регионализации, реализации местных интересов в этих условиях возникали в результате своеобразного делегирования функций по формированию пространства новым акторам, аффилированным с центром: местным советам, предприятиям, общественным организациям. На этом пути неизбежно возникал разрыв с «генеральной линией» ввиду специфики местных интересов. Следует отметить, что проблема особенностей районирования и формирования производственной среды и социальной инфраструктуры на Урале раскрыта достаточно подробно (см., например: [Думчиков, Пименова; Зыкин; Олохова, с. 52–113; Соловьева; Фельдман, Бугров]).

К физическому пространству следует также отнести личное пространство неформальных практик (семья, жилье, горизонтальные связи; услуги, торговля, досуг, в том числе не связанные с государством). Содержательные характеристики такого рода пространства присут-

⁷ По мнению К. И. Зубкова, уральское социальное пространство сформировалось в XVI–XVIII вв. в ходе превращения его сначала в территорию, а затем в регион. В качестве базового условия «сборки» однородной естественно-природной территории исследователь указывает усложнение производственной функции, однако системную связность территории придают социальные факторы, к которым относятся технологические схемы производства и коммуникаций, сопрягаемые с ними трудовые циклы и модели расселения, способы управления и др. [Зубков, с. 166].

ствуют в ряде работ [Баканов; Зыкин, с. 760–761; Енина, Граматчикова]. Убедительный пример возможности анализа личного городского пространства в контексте европейской концепции урбанизма находим в исследованиях О. Л. Лейбовича [Лейбович, 2016; Лейбович, 2017].

Общественные практики в советском городе реализовывались в официальном пространстве (государственные предприятия, учреждения, сфера торговли, быта, рекреации) и неформальном, в рамках которых обеспечивалось индивидуальное потребление, оказывались возможными самореализация, наполнение досуга и т. п. В советских условиях важное место занимало обеспечение условий для пропагандистской деятельности (клубы, красные уголки, дома политпросвещения, площади для массовых празднеств и т. п.) (о досуговой среде г. Магнитогорска в пространственном измерении см.: [Буряк и др.]; о социально-бытовой сфере Нижнего Тагила см.: [Олохова, с. 132–157]). Важно также отметить наличие привнесенных практик (импортированных мигрантами из сельской местности своего региона и из других регионов⁸); соответственно, неизбежным было наличие маргинальной среды, предполагавшей собственные траектории дислокации и перемещения в городском пространстве (см., например: [Килин]).

Индивидуальные социальные практики в советском городе, особенно в сталинский период, в значительной мере находились под контролем государства (см. например: [Меерович, с. 9]). Возврат к индивидуальности, считает Н. Б. Лебина, начался на рубеже 1950–1960-х гг. с появлением массового индивидуального жилья – «хрущевок», когда место политизированного смысла занимала сфера частной жизни, обезличенный институт соседства [Лебина, с. 90].

В контексте освоения городского физического пространства и трансформации общественных практик важно отметить роль транспорта. Он универсализирует город, способствует развитию в нем многофункциональной среды, и из индустриального подспорья (дорога на работу) постепенно превращается в полноценный атрибут городского образа жизни.

Значимость городского транспорта (в том числе символическая, субъективно поднимавшая его статус) вполне осознавалась местными властями. Например, на Среднем Урале с 1935 г. трамвайная сеть действует в Нижнем Тагиле [Москва разрешила], с 1951 г. – в Волчанске [Трамвай Волчанска], с 1954 г. – в Краснотурьинске [Трамвай Краснотурьинска]. С 1956 по 2015 г. «столичный» вид транспорта – троллейбус работал в Каменске-Уральском [Хронология], а с 1972 по 1985 г. – в небольшом Качканаре [Шорин].

⁸ В литературе нередко встречается утверждение о необходимости разграничения горожан и жителей города (см., например [Дмитриевская, с. 135]). В. Л. Глазычев, изучая население малых городов, выделял условные «прогородские» и «прослободские» группы и наиболее сильные «прослободские» тенденции отмечал у властной элиты, восходящей корнями к колхозному начальству, у промышленных рабочих и в люмпенизированном слое населения [Глазычев, с. 141–142].

Правила и нормы поведения в пространстве советского города в первую очередь предполагали следование официальному советскому дискурсу в идеологической сфере, реализацию партийно-государственных приоритетов, опирались на советские формы обеспечения лояльности. В индустриальной городской культуре важную роль играла формальная опора на ценности «рабочего класса», что выражалось в разнообразии идеологических, досуговых форм, возможностей социального обеспечения, медицинского обслуживания и т. п. на базе промышленных предприятий. Неформальные нормы поведения формировались в условиях субкультур, в свою очередь, достаточно жестко привязанных к конкретным объектам на городской карте. Нормативно-поведенческий аспект социальной теории пространства на уральском материале нуждается в дополнительном изучении, хотя интересные работы, затрагивающие эту тему, имеются [Клинова, Трофимов; Лейбович, 2017; и др.].

Символическое пространство советского города в первую очередь предполагало соотнесенность с государством, в том числе с местной окраской (на Урале это концепт «опорного края державы»). Городская топонимика сохранила память о революционном прошлом и об участниках Гражданской войны. Локальная символическая специфика присутствовала в апеллировании к прежней горнозаводской культуре и, в меньшей степени, в восприятии своего региона как «края ссылки». Сформированная таким образом «уральская идентичность» выражалась в декларируемой самодостаточности и немного показной независимости по отношению к столице.

Проблематика символических ментальных представлений разработана довольно широко, главным образом в контексте «уральской идентичности» [Анимича, Власова; Бутров и др.; Иванов; Побережников; и др.], в том числе на городском материале [Бутров; Веселкова, Прямикова; Енина, Граматчикова]. По нашему мнению, причина ее востребованности в том, что идея пространства чрезвычайно значима в контексте популярных ныне исследований исторической памяти, основоположником которых считают М. Хальбвакса. С его точки зрения, пространство – наиболее устойчивая среда для коллективной памяти. «Пространство – это реальность, которая длится вечно: наши впечатления вытесняют друг друга, в нашем сознании ничего не остается, и было бы непостижимо, как бы мы могли вернуть себе прошлое, если бы его не сохранила окружающая нас материальная среда» [Halbwachs, 1968, p. 143].

В связи с этим важно еще одно обстоятельство. Идентичность, как правило, воспринимается в контексте традиции, которая, в свою очередь, ассоциируется с ценностями исчезающего сельского мира. В какой степени городская среда формирует и способна поддерживать местную идентичность? Этот вопрос пока остается без ответа и требует дополнительного изучения.

* * *

Применение пространственного подхода к изучению уральского города советской эпохи требует значительных усилий. Определенные трудности связаны с неизбежным расширением исследовательского поля в контексте междисциплинарности. Органичность использования теории пространства видится, во-первых, в масштабном опыте ее применения для анализа проблем городского развития в различных странах и регионах мира. Во-вторых, в рамках пространственного подхода адекватно анализируются социокультурные аспекты истории советского (и уральского) города, без которых невозможно понять логику, условия существования и закономерности его эволюции.

Библиографические ссылки / References

Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Эволюция и основные составляющие образа Урала // Географический вестник. Экономическая, социальная и политическая география. 2016. № 3. С. 29–30. DOI 10.17072/2079-7877-2016-3-28-35.

Ахизер А. С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса / под ред. Э. В. Сайко. М. : Наука, 1995. С. 21–28.

Багирова А. П. Демографическая ситуация в Свердловской области // Демографическое самочувствие регионов России : Национальный демографический доклад. 2022 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М. : ИТД «Перспектива», 2022. Разд. 2.9. С. 174–193.

Баканов С. А. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2005. 192 с.

Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А. и др. «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2 (57). С. 46–59. DOI 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59.

Бугров К. Д. «Жемчужина Урала»: символический капитал, социальная инфраструктура и перспективы развития Миасса // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 2. С. 689–706. DOI 10.15826/qr.2024.2.903.

Бугров К. Д., Киселев М. А., Маштакова Л. В. Становление опорного края. Индустриальный Урал в мобилизационной культуре 1930–1940-х гг. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. 304 с.

Буряк Е. М., Макарова Н. Н., Чернова Н. В. Нескучный отдых рабочего города в начале 50-х гг. XX века // Уч. зап. Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, кн. 3. С. 213–227. DOI 10.26907/2541-7738.2022.3.213-227.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Меморативный ландшафт малого города: конфигурации и слои // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 196–212. DOI 10.31857/S0869541522060112.

Глазычев В. Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса / под ред. Э. В. Сайко. М. : Наука, 1995. С. 137–144.

Дмитриевская Н. Ф. Образ города как национальный феномен. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 1999. 191 с.

Зайончковская Ж. А. Миграция и урбанизация, которые изменили Россию // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html (дата обращения: 03.06.2024).

Думчиков А., Пименова К. Нереализованный гигант машиностроения на Урале: мобилизационная политика и практика строительства // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1445–1463. DOI 10.15826/qr.2023.4.857.

Енина Л. В., Граматчикова Н. Б. Первостроители Уралмаша как перформативный проект. Конструирование заводской идентичности. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. 282 с.

Зубков К. И. Урал в составе российского государства в XVI–XVIII вв.: от пространства к региону // *Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска : материалы всерос. науч. конф.* 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург : АМБ, 2013. С. 161–169.

Зыкин И. В. Трио молодых городов в староосвоенном пространстве Среднего Урала // *Изв. РАН. Сер. географическая*. 2023. Т. 87, № 5. С. 752–765. DOI 10.31857/S2587556623050114.

Иванов А. В. Горнозаводская цивилизация. М. : АСТ, 2018. 288 с.

Кишин А. П. «Красный город»: симбиоз аграрного и индустриального укладов в уральской провинции 1920-х гг. // *Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 17*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 177–194.

Клинова М. А., Трофимов А. В. Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн. Екатеринбург : Урал. гос. экон. ун-т, 2023. 335 с.

Лебина Н. Б. Хрущевка: советское и несоветское в пространстве повседневности. М. : Новое лит. обозрение, 2024. 424 с.

Лейбович О. Л. Советский город Молотов в личностном измерении // *Урал. ист. вестн.* 2017. № 3 (56). С. 119–125.

Лейбович О. Л. Социалистический завод в коллективной памяти горожан (по материалам Перми) // *Урал. ист. вестн.* 2016. № 3 (52). С. 33–42.

Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.

Меерович М. Г. Человек и микрорайон: история хрущевских реформ в СССР // *Innovative Project*. 2016. Т. 1, № 4. С. 8–12. DOI 10.17673/IP.2016.1.04.1.

Москва разрешила Нижнему Тагилу запустить трамвай // *Обл. газ.* : [сайт]. 2016. 9 дек. URL: <https://old.oblgazeta.ru/society/31204/> (дата обращения: 20.01.2025).

Население России за 100 лет (1897–1997) : стат. сб. М. : Госкомстат России, 1998. 222 с.

Население Свердловской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 1 января 1959 г.). Свердловск : Стат. упр-е Свердл. обл., 1962. 112 с.

О перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородах) : распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р (ред. от 21.01.2020) // Министерство инвестиций и развития Свердловской области : [сайт]. URL: <https://mir.midural.ru/sites/default/files/files/1398-r.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

Олохова О. П. Строительство социалистического города Нижний Тагил: планы и реальность : дис. ... канд. ист. наук. Ниж. Тагил : [Б. и.], 2015. 190 с.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М. : Наука, 2000. 244 с.

Паперный В. Культура Два. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 416 с.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // *Социол. обозрение*. 2003. Т. 2, № 3. С. 3–18.

Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. М. : Статистика, 1976. 191 с.

Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 1. С. 101–113.

Побережников И. В. Уральская региональная идентичность: у истоков формирования // *Десятые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 20–21 нояб. 2013 г.). Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2013. С. 140–145.

Савельева И. Пространственный поворот и глобальная история // *Гефтер* : [сайт]. URL: <https://gefter.ru/archive/4328> (дата обращения: 02.04.2024).

Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. СПб. : Наука, 2003. Т. 1. Конструирование прошлого. 632 с.

Соловьева Т. В. Урал в контексте проектов административно-территориальной реформы 1923 г. // Вестн. Перм. ун-та. История. 2017. № 4. С. 46–57.

Торубарова Т. В. Понятие пространства и времени в философии И. Канта // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Право. 2015. № 8 (205). С. 23–29.

Трамвай Волчанска // Трамвайные и троллейбусные сети мира : [сайт]. URL: http://ymtram.mashke.org/russia/volchansk/volchansk_descr_ru.html (дата обращения: 06.06.2024).

Трамвай Красноуральска // Трамвайные и троллейбусные сети мира : [сайт]. URL: http://ymtram.mashke.org/russia/krasnoturyinsk/krasnoturyinsk_descr_ru.html (дата обращения: 06.06.2024).

Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 520 с.

Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург : АСПУр, 2014. 170 с.

Урбанизация // Демографический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1985. С. 495–498.

Фельдман М. А., Бугров К. Д. Преемница Уральской области – Свердловская область: кадровые и экономические аспекты (к 90-летию создания). Начало: январь 1934 – июнь 1941 гг. // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 24. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 139–152.

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб. : Владимир Даль, 2008. 290 с.

Хронология: Каменск-Уральский // Городской электротранспорт : [сайт]. URL: <https://transphoto.org/news.php?cid=254> (дата обращения: 20.01.2025).

Шенк Ф. Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М. : Новое лит. обозрение, 2016. 584 с.

Шорин А. Этот день в истории Свердловской области – 11 ноября // Обл. газ. : [сайт]. 2014. 11 нояб. URL: <https://old.oblgazeta.ru/society/20347/> (дата обращения: 06.06.2024).

Akhiezer, A. S. (1995). Gorod – fokus urbanizatsionnogo protsesssa [The City as the Focus of the Urbanisation Process]. In Saiko, E. V. (Ed.). *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsesssa*. Moscow, Nauka, pp. 21–28. (In Rus.)

Alekseev, V. V. (Ed.). (2000). *Opyt rossiiskikh modernizatsii XVIII–XX veka* [Experience of Russian Modernisations of the 18th–20th Centuries]. Moscow, Nauka. 244 p. (In Rus.)

Animitsa, E. G., Vlasova, N. Yu. (2016). Evolyutsiya i osnovnye sostavlyayushchie obraza Urala [Evolution and Main Components of the Image of the Urals]. In *Geograficheskii vestnik. Ekonomicheskaya, sotsial'naya i politicheskaya geografiya*. No. 3, pp. 29–30. DOI 10.17072/2079-7877-2016-3-28-35. (In Rus.)

Bagirova, A. P. (2022). Demograficheskaya situatsiya v Sverdlovskoi oblasti [Demographic Situation in Sverdlovsk Region]. In Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. (Eds.). *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Natsional'nyi demograficheskii doklad*. 2022. Moscow, ITD “Perspektiva”, sect. 2.9, pp. 174–193. (In Rus.)

Bakanov, S. A. (2005). *Depressivnye goroda Urala v 1960–1980-e gg.* [Depressed Cities of the Urals in the 1960s–1980s]. Chelyabinsk, Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet. 192 p. (In Rus.)

Blyakher, L. E., Dem'yanenko, A. N., Kireev, A. A. et al. (2021). “Prostranstvennyi povorot” i ego interpretatsiya v rossiiskoi nauke i institutsional'noi praktike [“Spatial Turn” and Its Interpretation in Russian Scholarship and Institutional Practice]. In *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 2 (57), pp. 46–59. DOI 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59. (In Rus.)

Bugrov, K. (2024). “Zhemchuzhina Urala”: simvolicheskii kapital, sotsial'naya infrastruktura i perspektivy razvitiya Miassa [“The Pearl of the Urals”: The Symbolic Capital, Social Infrastructure, and Development Prospects of Miass]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12. No. 2, pp. 689–706. DOI 10.15826/qr.2024.2.903. (In Rus.)

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A., Mashtakova, L. V. (2022). *Stanovlenie opornogo kraya. Industrial'nyi Ural v mobilizatsionnoi kul'ture 1930–1940-kh gg.* [The Formation of the Stronghold of the State. The Industrial Urals in the Mobilisation Culture of the 1930s–1940s]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 304 p. (In Rus.)

Buryak, E. M., Makarova, N. N., Chernova, N. V. (2022). Neskuchnyi otdykh rabocheho goroda v nachale 50-kh gg. XX veka [The Entertaining Leisure of a Working City in the Early 1950s]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 164. Book 3, pp. 213–227. DOI 10.26907/2541-7738.2022.3.213-227. (In Rus.)

Couzon, I. (2003). “Les espaces économiques” de François Perroux (1950). Organisation de l'espace et aménagement du territoire dans l'économie et la géographie françaises au milieu du XXème siècle. In *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*. Vol. 2. No. 9, pp. 81–102. DOI 10.3917/rhsh.009.0081.

Dmitrievskaya, N. F. (1999). *Obraz goroda kak natsional'nyi fenomen* [The Image of the City as a National Phenomenon]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov. 191 p. (In Rus.)

Dobrenko, E., Naiman, E. (Eds.). (2003). *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*. Seattle, L., Univ. of Washington Press. 316 p.

Dumchikov, A., Pimenova, K. (2023). Nerealizovannyi gigant mashinostroeniya na Urale: mobilizatsionnaya politika i praktika stroitel'stva [An Uncompleted Machine-Building Giant in the Urals: Mobilisation Policy and Construction Practice]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11. No. 4, pp. 1445–1463. DOI 10.15826/qr.2023.4.857. (In Rus.)

Elias, N. (1984). *Über die Zeit. Arbeiten zur Wissenssoziologie II*. Frankfurt/M., Suhrkamp. 196 S.

Enina, L. V., Gramatchikova, N. B. (2021). *Pervostroiteli Uralmasha kak performativnyi proekt. Konstruirovaniye zavodskoi identichnosti* [Pioneer Builders of Uralmash as a Performative Project. Construction of Factory Identity]. Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 282 p. (In Rus.)

Feldman, M. A., Bugrov, K. D. (2024). Preemnitsa Ural'skoi oblasti – Sverdlovskaya oblast': kadrovye i ekonomicheskie aspekty (k 90-letiyu sozdaniya). Nachalo: yanvar 1934 – iyun 1941 gg. [The Successor of the Ural Region – Sverdlovsk Region: Personnel and Economic Aspects (on the 90th Anniversary of Its Creation). Beginning: January 1934 – June 1941]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 24. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 139–152. (In Rus.)

Filippov, A. F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of Space]. St Petersburg, Vladimir Dal'. 290 p. (In Rus.)

Foucault, M. (1980). *Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. N. Y, Pantheon Books. 270 p.

Gibbs, J. (1963). The Evolution of Population Concentration. In *Economic Geography*. No. 2, pp. 119–129.

Glazyshev, V. L. (1995). Gorod Rossii na poroge urbanizatsii [Russian City on the Threshold of Urbanisation]. In Saiko, E. V. (Ed.). *Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa*. Moscow, Nauka, pp. 137–144. (In Rus.)

Halbwachs, M. (1968). *La memoire collective*. Paris, Presses Universitaires de France. 205 p.

Ivanov, A. V. (2018). *Gornozavodskaya tsivilizatsiya* [Mining Civilisation]. Moscow, AST. 288 p. (In Rus.)

Khronologiya: Kamensk-Ural'skii [Chronology: Kamensk-Uralsky]. In *Gorodskoi elektrotransport* [website]. URL: <https://transphoto.org/news.php?cid=254> (accessed: 20.01.2025). (In Rus.)

Kilin, A. P. (2017). “Krasnyi gorod”: simbioz agrarnogo i industrial'nogo ukladov v ural'skoi provintsii 1920-kh gg. [“Red City”: Symbiosis of Agrarian and Industrial Structures in the Ural Province of the 1920s]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 17. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 177–194. (In Rus.)

Klinova, M. A., Trofimov, A. V. (2023). *Vizual'nye standarty obraza zhizni sovetskogo gorodskogo naseleniya posle mirovykh voyn* [Visual Standards of Lifestyle of the Soviet

Urban Population after the World Wars]. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet. 335 p. (In Rus.)

Läpple, D. (1991). Essay über den Raum. Für ein gesellschaftswissenschaftliches Raumkonzept. In Häussermann, H. u. a. (Hrsg.). *Stadt und Raum. Soziologische Analysen*. Pfaffenweiler, Centaurus, S. 157–207.

Lebina, N. B. (2024). *Khrushchevka: sovetskoe i nesovetskoe v prostranstve povsednevnosti* [Khrushchevka: The Soviet and non-Soviet in the Space of Everyday Life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p. (In Rus.)

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Moscow, Strelka Press. 432 p. (In Rus.)

Leibovich, O. L. (2016). Sotsialisticheskii zavod v kollektivnoi pamyati gorozhan (po materialam Permi) [The Socialist Plant in the Collective Memory of Citizens (Based on Perm Materials)]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (52), pp. 33–42. (In Rus.)

Leibovich, O. L. (2017). Sovetskii gorod Molotov v lichnostnom izmerenii [The Soviet City of Molotov in the Personal Dimension]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 3 (56), pp. 119–125. (In Rus.)

Meerovich, M. G. (2016). Chelovek i mikroraiion: istoriya khrushchevskikh reform v SSSR [Man and Microdistrict: The History of Khrushchev's Reforms in the USSR]. In *Innovative Project*. Vol. 1. No. 4, pp. 8–12. DOI 10.17673/IP.2016.1.04.1. (In Rus.)

Moskva razreshila Nizhnemu Tagilu zapustit' tramvai [Moscow Allows Nizhny Tagil to Launch a Tram]. (2016). In *Oblastnaya gazeta*. Dec. 9. URL: <https://old.oblgazeta.ru/society/31204/> (accessed: 20.01.2025). (In Rus.)

Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997). Statisticheskii sbornik [The Population of Russia over 100 years (1897–1997). Statistical Collection]. (1998). Moscow, Goskomstat Rossii. 222 p. (In Rus.)

Naselenie Sverdlovskoi oblasti (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya na 1 yanvarya 1959 g.) [Population of Sverdlovsk Region (according to the All-Union Population Census as of January 1, 1959)]. (1962). Sverdlovsk, Statisticheskoe upravlenie Sverdlovskoi oblasti. 112 p. (In Rus.)

O perechne monoprofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniy RF (monogorodakh): rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 iyulya 2014 g. № 1398-r (red. ot 21.01.2020) [On the List of Single-industry Municipalities of the Russian Federation (Single-industry Towns): Decree of the Government of the Russian Federation of July 29, 2014. No. 1398-r (as Amended on January 21, 2020)]. URL: <https://mir.midural.ru/sites/default/files/files/1398-r.pdf> (accessed: 20.03.2024). (In Rus.)

Olokhova, O. P. (2015). *Stroitel'stvo sotsialisticheskogo goroda Nizhnii Tagil: plany i real'nost'* [Construction of the Socialist City of Nizhny Tagil: Plans and Reality]. Dis. ... kand. ist. nauk. Nizhny Tagil, S. n. 190 p. (In Rus.)

Papernyi, V. (2022). *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p. (In Rus.)

Park, R. (2003). Gorod kak sotsial'naya laboratoriya [The City as a Social Laboratory]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie*. Vol. 2. No. 3, pp. 3–18. (In Rus.)

Pivovarov, Yu. L. (1976). *Sovremennaya urbanizatsiya* [Modern Urbanisation]. Moscow, Statistika. 191 p. (In Rus.)

Pivovarov, Yu. L. (2001). Urbanizatsiya v Rossii v XX v.: predstavleniya i real'nost' [Urbanisation in Russia in the 20th Century: Ideas and Reality]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1, pp. 101–113. (In Rus.)

Poberezhnikov, I. V. (2013). Ural'skaya regional'naya identichnost': u istokov formirovaniya [Ural Regional Identity: At the Origins of Formation]. In *Desyatye Tatishchevskie chteniya : materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 20–21 noyabrya 2013 g.)*. Yekaterinburg, Uchebno-metodicheskii tsentr UPI, pp. 140–145. (In Rus.)

Poberezhnikov, I. V. (Ed.). (2014). *Ural v kontekste rossiiskoi tsivilizatsii: teoretiko-metodologicheskaya kontseptualizatsiya* [The Urals in the Context of Russian Civilization:

Theoretical and Methodological Conceptualisation]. Yekaterinburg, Assotsiatsiya pisatelei Urala. 170 p. (*In Rus.*)

Ruder, C. A. (2018). *Building Stalinism: The Moscow Canal and the Creation of Soviet Space*. L., N. Y., Taurus. 330 p.

Savelyeva, I. (2012). Prostranstvennyi povorot i global'naya istoriya [Spatial Turn and Global History]. In *Gefter*. URL: <https://gefter.ru/archive/4328> (accessed: 02.04.2024). (*In Rus.*)

Savelyeva, I. M., Poletaev, A. V. (2003). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya v 2 t.* [Knowledge of the Past: Theory and History. 2 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 1. Konstruirovaniye proshlogo. 632 p. (*In Rus.*)

Schenk, F. B. (2016). *Poezd v sovremennost': Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog* [Train to Modernity. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p. (*In Rus.*)

Shorin, A. (2014). Etot den' v istorii Sverdlovskoi oblasti – 11 noyabrya [This Day in the History of Sverdlovsk Region – November 11]. In *Oblastnaya gazeta* [website]. Nov. 11. URL: <https://old.oblgazeta.ru/society/20347/> (accessed: 06.06.2024). (*In Rus.*)

Soja, E. (2003). Writing the City Spatially. In *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. No. 7. Vol. 3, pp. 269–280. DOI 10.1080/13604810320.

Soja, E. W. (1989). *Postmodern Geographies. The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. L., N. Y., Verso. 378 p.

Solov'eva, T. V. (2017). Ural v kontekste proektov administrativno-territorial'noi reformy 1923 g. [The Urals in the Context of the Administrative-territorial Reform Projects of 1923]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 4. pp. 46–57. (*In Rus.*)

Torubarova, T. V. (2015). Ponyatie prostranstva i vremeni v filosofii I. Kanta [The Concept of Space and Time in the Philosophy of I. Kant]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. No. 8 (205), pp. 23–29. (*In Rus.*)

Tramvai Krasnotur'inska [Krasnoturinsk Tram]. (N. d.). In *Tramvainye i trolleibusnye seti mira* [website]. URL: http://ymtram.mashke.org/russia/krasnoturyinsk/krasnoturyinsk_descr_ru.html (accessed: 06.06.2024). (*In Rus.*)

Tramvai Volchanska [Volchansk Tram]. (N. d.). In *Tramvainye i trolleibusnye seti mira* [website]. URL: http://ymtram.mashke.org/russia/volchansk/volchansk_descr_ru.html (accessed: 06.06.2024). (*In Rus.*)

Trubina, E. (2011). *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The City in Theory: Experiments in Understanding Space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 520 p. (*In Rus.*)

Urbanizatsiya [Urbanisation]. (1985). In *Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 495–498. (*In Rus.*)

Veselkova, N. V., Pryamikova, E. V. (2022). Memorativnyi landshaft malogo goroda: konfiguratsii i sloi [Memorative Landscape of a Small Town: Configurations and Layers]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 6, pp. 196–212. DOI 10.31857/S0869541522060112. (*In Rus.*)

Zaionchkovskaya, Zh. A. (N. d.). Migratsiya i urbanizatsiya, kotorye izmenili Rossiya [Migration and Urbanisation that Changed Russia]. In *Demoskop Weekly*. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html (accessed: 03.06.2024). (*In Rus.*)

Zubkov, K. I. (2013). Ural v sostave Rossiiskogo gosudarstva v XVI–XVIII vv.: ot prostranstva k regionu [The Urals as Part of the Russian State in the 16th–18th Centuries: From Space to Region]. In *Gumanitarnaya akademicheskaya nauka Urala: priority i perspektivy issledovatel'skogo poiska. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii 17–18 iyunya 2013 g.* Yekaterinburg, AMB, pp. 161–169. (*In Rus.*)

Zykin, I. V. (2023). Trio molodykh gorodov v staroosvoennom prostranstve Srednego Urala [A Trio of Young Cities in the Old Developed Space of the Middle Urals]. In *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. Vol. 87. No. 5, pp. 752–765. DOI 10.31857/S2587556623050114. (*In Rus.*)

The article was submitted on 16.06.2024